

A character in detailed, dark armor with a red scarf and a red sash stands on a rocky path, looking back over their shoulder towards a massive, jagged mountain range. The mountains are partially covered in snow and are erupting with bright orange and yellow lava. The sky is filled with dark, swirling clouds. The overall scene is dramatic and epic.

Алихандро Рамзес

Хроники Песочных Врат

18+

Алихандро Рамзес
Хроники Песочных Врат

«Автор»

2025

Рамзес А.

Хроники Песочных Врат / А. Рамзес — «Автор», 2025

Беги или стори! Сама не искала приключений. Странный браслет из бабушкиного сундука перенес ее из Москвы в эпицентр кошмара — к подножию вулкана Карадаг, извергающего лаву и Духов Просвета. Аракул, последний бастион, рушится под натиском существ из огня и звездной пыли. С хронометром, ставшим оружием, и клеймом "Дочери Забвения" Сама бросается в отчаянную гонку. Ей предстоит: сразиться с духами в осажденном ауле, пробиваться сквозь ловушки Леса Шепчущих Теней, противостоять предательству фанатичной Джамили, бежать от Агентов Времени в древнем Храме и разгадать тайну Города Мертвых. Все ради одного — добраться до Артефакта Рассвета. Но сможет ли она им воспользоваться, узнав, что истинный Гнев рожден предательством, а спасение мира требует невообразимой жертвы?

© Рамзес А., 2025

© Автор, 2025

Алихандро Рамзес

Хроники Песочных Врат

Танец Горных Джинов

Пролог

Дождь бил в витрину «Забытого Времени» – крошечной антикварной лавчонки, затерянной в московских переулках. Самира, отодвинув в сторону пыльный глобус и стопку потрепанных фолиантов, добралась до дна бабушкиного сундука. Ее пальцы наткнулись на холодный металл. Она вытащила браслет: причудливое сплетение шестеренок, острых, как стрелки, и светящегося синим песком, что перетекал внутри прозрачных капсул. Сердце екнуло. «Где-то я это видела...» – мелькнуло смутное воспоминание, тут же утонувшее в гуле ливня за окном.

Она надела браслет на запястье. Металл, казалось, ожил, подстроился под изгибы кости. И вдруг – шипение! Тонкое, как пар из чайника. Комната закружилась, поплыла. Пол ушел из-под ног, растворившись в черноте. Падая в бездну, Самира успела лишь хрипло крикнуть: «Нет!»

Сознание вернулось с резким запахом серы и горьковатого чабреца. Она лежала на краю пропасти, острые камни впивались в бока. Вдали, под низким, свинцовым небом, дымился исполинский вулкан, его склоны чернели, как старая рана. Воздух дрожал от скрытого гула. Высоко в небе, разрезая свинцовые тучи, кружил горный орел.

ГРОХОТ! Скала прямо перед ней рассыпалась, осыпая градом щебня. Из клубов едкого дыма и пыли выступила фигура. Не человек. Существо из раскаленного, потрескавшегося камня и сияющей изнутри белой плазмы. Его тело было сплетением огненной лавы и черного, стеклянного обсидиана, в щелях которого бушевал ослепительный свет. Голова – вытянутая, безликая тень с двумя бездонными глазницами, полными мерцающей звездной пыли. Аура нестерпимого жара колыхалась вокруг него, искривля воздух. Оно шагнуло вперед, и камень под ногами оплавился.

«Чужая!» – голос был подобен скрежету гигантских жерновов, сотрясая скалы. Звездная пыль в глазницах вспыхнула ярче. «Твоя кровь остудит гнев Карадага!» Огненная ладонь, больше ее головы, устремилась к ней.

«Прочь!» – резкий женский голос разрезал гул. Сильные руки схватили Самиру за плечи и резко рванули в сторону, на узкую козью тропу, едва видимую на склоне. Самира успела мельком увидеть свою спасительницу: седые волосы, собранные в строгий узел, лицо с резкими, словно высеченными из камня чертами, и серебряные подвески, звенящие на шее и запястьях. «Беги! Вниз, к реке! К Аракулу!» – женщина толкнула ее на тропу, развернувшись к Духу Просвета. В ее руке вспыхнул короткий огненный кинжал, пламя лизало лезвие. «Скажи Марату: "Джамиля зовет Горных Братьев! Проснулся Гнев!" Беги же!» Последнее слово было заглушено оглушительным ревом Духа и грохотом камнепада, вызванного ударом его раскаленного кулака. Самира, не раздумывая, бросилась вниз по змеящейся тропинке, сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. За спиной гремела битва, воздух наполнился запахом гари и расплавленного камня. Высоко над схваткой снова пронесся горный орел, его крик прозвучал как предупреждение.

Глава 1: Песнь Камня и Пламени

Тропа вывела Самиру на каменистое плато. Перед ней, закованный в кольцо неприступных скал, раскинулся Аракул. Каменные башни, похожие на зубы дракона, венчали стены, сложенные из огромных, темных валунов. Через село серебряной лентой змеилась река Азау, ее журчание едва пробивалось сквозь нарастающий гул. На центральной площади, годекане, виднелся резной камень-трон, пустующий сейчас. Над селом, на уступе, возвышалась мечеть с

острым минаретом, упирающимся в низкое небо. Вокруг домов цвели сады – розовые облака яблонь, белые свечи груш, пьянящий аромат роз смешивался со всепроникающей пылью. Но идиллия была обманчива. От подножия далекого вулкана, Карадага, выползала беда. Клубящаяся оранжево-черная река. Лава. Она неспешно, неумолимо, как язык гигантского змея, ползла по склону, пожирая редкие кустарники, направляясь прямо к западной стене Аракула, где темнели каменные башни и ворота. Воздух звенел от жара, дым застилал солнце. Где-то на кладбище, расположенном на высоте над селом, завыл ветер.

«За мной! Быстро!» – хриплый оклик заставил Самиру вздрогнуть. К ней бежал воин. Его лицо, залитое потом и копотью, было искажено гримасой напряжения. На нем – стеганный ватник темного цвета поверх кольчуги с мелкими, тускло поблескивающими кольцами. Кожаные наручи и поножи, на голове – сфероконический шлем, напоминавший острую папаху с металлическим каркасом. За спиной – рекурсивный лук, колчан туго набит стрелами. На поясе висела кривая сабля в богато украшенных ножнах – темная кожа с серебряными геометрическими накладками. Он схватил Самиру за руку, почти волооча к массивным деревянным воротам, обтянутым кожей и укрепленным железными полосами. На щите ворот сиял металлический умбон. «Лава! Дух Просвета на подходе! В город!»

Ворота захлопнулись за ними с тяжелым стуком. Аракул кипел, как растревоженный улей. Женщины в ярких платьях, подоткнутых для удобства, сбрасывали с плоских крыш домов искры и горящие угольки, сыпавшиеся с неба, словно адский дождь. Они поливали тлеющие балки водой из кожаных ведер, передаваемых по цепочке. Детишки, серьезные не по годам, сновали между взрослыми, таская тяжелые кувшины и чаны с водой из Азау. Мужчины, воины и простые жители, спешно занимали позиции на стенах. Звякали кольчуги, глухо стучали деревянные щиты с простой геометрической росписью. В воздухе стоял гул голосов – команды, призывы, плач испуганных детей, звон металла. Запах пыли, пота, дыма и страха.

Воин, не отпуская руки Самиры, провел ее через годекан, мимо резного камня-трона, к высокой каменной башне у восточной стены. У ее подножия, опираясь на посох с набалдашником из полированного черного камня, стоял седой старец. Его длинная белая борода и такие же белые, ниспадающие на плечи волосы, контрастировали с темной, выгоревшей на солнце одеждой. Лицо было изборождено глубокими морщинами, но глаза – темные, пронзительные – горели умом и тревогой. Рядом с ним, словно тень, стоял другой старик – Рамазан. Он был чуть ниже, но казался шире в плечах. На нем – огромные, пыльные башмаки, каракулевая папаха, съехавшая набок, и поношенная, грубая бурка из темной шерсти. Его лицо, скрытое глубокими складками и седыми усами, было непроницаемо. Он молча наблюдал за происходящим, его маленькие, глубоко посаженные глаза медленно скользили по площади, по стенам, по лицу Самиры. Он не произнес ни слова, лишь сжал рукоять простого кинжала с нефритовой рукоятью, висевшего у него на поясе.

«Марат!» – крикнул воин, подталкивая Самиру вперед. «Нашла ее у Песчаного Рва! Чуть Дух не сжег! Принесла весть от Джамили!»

Марат поднял голову. Его взгляд скользнул по лицу Самиры, по ее одежде, чуждой этим горам, и остановился на запястье. На хронометре. Шестеренки подернулись слабым синим сиянием. Старец сделал шаг вперед. Его рука, узловатая, но сильная, коснулась холодного металла браслета. Песок внутри будто взволновался, закрутился быстрее.

«Знак Времени...» – прошептал Марат, и в его голосе Самира услышала смесь изумления, страха и... вины? «Он вернулся к носителю...»

«Кто вы?» – голос Самиры дрожал, ей не хватало воздуха. Она оглянулась на ползущую к стенам лаву, на дымящийся вулкан. «Что это за место? Что происходит?»

«Аракул», – ответил Марат, его посох стукнул о камень платформы. Голос звучал устало и твердо. «Последний оплот у подножия Карадага. Последний щит против его Гнева». Он поднял посох, указывая на огнедышащую гору. «А ты... ты – Дочь Забвения. Та, о ком говорило

Пророчество Каменных Детей». Его темные глаза впились в нее. «Только ты можешь остановить это. Остановить его».

Земля под ногами внезапно содрогнулась, заставив Самиру пошатнуться. Сверху, с зубца стены, свалилась фигура, тяжело рухнув на камни годекана рядом с ними. Это был юноша, лет восемнадцати. Его одежда была в пыли, на лбу зияла ссадина. Но самое поразительное – его глаза. Они были цвета жидкого серебра, без зрачков, и светились странным внутренним светом, отражая багровое зарево лавы. Он попытался встать, застонав от боли.

«Хасан!» – воскликнул Марат, опускаясь на колени рядом с ним. Рамазан молча подал кожаный бурдюк с водой.

«Лава...» – юноша с серебряными глазами хрипел, пытаясь отдышаться. Он указал рукой на запад. «Прорвала... плотину у Черного Уступа... У нас... может быть час... не больше...» Он схватился за бок.

«Кто он?» – спросила Самира, уже автоматически рвя подол своей рубахи на бинты. Ее пальцы дрожали, но движения были точными.

«Хасан», – ответил Марат, помогая ей перевязать рану. Старик Рамазан пристально смотрел на серебряные глаза юноши, его лицо оставалось каменным, но в глазах мелькнуло что-то – то ли сочувствие, то ли знание. «Один из Каменных Детей. Проклятие Карадага... или его дар». Марат вздохнул, звук был похож на шелест сухих листьев. «Двадцать зим назад гнев Карадага обрушился на нас первым камнепадом. С тех пор... дети рождаются такими. С глазами, видящими больше, чем наши. И с... дарами. И с бременем».

«Мы слышим...» – прошептал Хасан, его серебряные глаза сфокусировались на стене башни. Он поднял дрожащую руку, коснулся грубо отесанного камня ладонью. «...голоса камней. Их боль. Их гнев». Под его пальцами каменная кладка словно задрожала. Пыль осыпалась. И вдруг – на поверхности стены проступили, засветились слабым золотистым светом фрески. Не красками, а самой каменной плотью. Люди в остроконечных шапках и кольчугах. Цепи. Множество цепей, опутывающих огромное, крылатое существо с головой, подобной пламени, и телом из сгущенного мрака. Они тащили его, сопротивляющееся, извергающее потоки света и тьмы, к жерлу вулкана. И заковывали там, в самой сердцевине огня, цепями из черного, мертвого металла.

«Карадаг...» – ахнула Самира, отшатнувшись. Картина была ужасающе живой. Она чувствовала отчаяние существа, ярость людей.

«Да», – кивнул Марат, не глядя на стену. Его лицо стало пепельно-серым. Он сжал посох так, что костяшки пальцев побелели. Рамазан опустил голову, его бурка колыхнулась. «Наши предки. Мои... современники. Мы украли его силу. Заковали Того, Кто Был Прежде. А теперь... теперь он мстит. Его гнев – это эхо нашей жадности». В его голосе звучала неподдельная, глубокая боль.

Хронометр на запястье Самиры вдруг вспыхнул не синим, а багровым светом. Шестеренки завертелись с бешеной скоростью, песок закипел. Стрелки-лезвия дернулись и сложились, образовав четкий, угрожающий символ – стилизованный меч, направленный острием к вулкану. В тот же момент раздался оглушительный удар у западных ворот. Крик ужаса прокатился по стенам.

«Они здесь! Духи Просвета!»

Глава 2: Щиты из Камня и Синий Луч

Самира, Марат, Рамазан и опирающийся на плечо старейшины Хасан бросились к западной стене. То, что они увидели, встав на боевой ход за зубцами, было кошмаром.

Лава, раскаленная, клокочущая, уже лизала самые основания мощных стен Аракула, шипя и испуская клубы пара. Камни темнели, трескались от жара. Но это было лишь фоном. Перед воротами, на оплавленной, дымящейся земле, стояли три фигуры. Духи Просвета. Огромные, по два с половиной, а то и три метра ростом. Их тела – кошмарный сплав текущей,

светящейся кроваво-красным и синим лавы и черного, потрескавшегося обсидиана. В щелях между темным стеклом и пламенем бушевало ослепительное белое сияние, как сжатая плазма. Их безликие, вытянутые головы поворачивались, сканируя стены, мерцающие звездной пылью глазницы светились холодным, нечеловеческим разумом. Воздух вокруг них дрожал и плавился от жара, искры сыпались на землю, прожигая камень. Один Дух, самый массивный, уже бил раскаленными кулаками по дубовым створкам ворот. С каждым ударом раздавался грохот, металлические накладки ворот светились добела, дерево обугливалось, дымилось. Двое других двигались вдоль стены, их руки были подняты. Из глазниц и раскрытых ладоней били сфокусированные лучи ослепительного бело-желтого жара. Они прожигали камень, плавляли металлические детали укреплений. Там, где луч касался стены, камень взрывался, разлетаясь снопом искр и раскаленных осколков. Воины на стенах отчаянно отбивались.

«Стреляй! В сердцевину! В щели!» – кричал командир обороны, мужчина с густой черной бородой и шрамом через глаз, в кольчуге и кожаном нагруднике с нашитыми стальными пластинами. Его голос перекрывал грохот и вой Духов. Лучники в стеганых куртках и кожаных наручах натягивали тетивы своих рекурсивных луков, тщательно изготовленных из дерева, рога и жил. Раздался сухой треск спусков, свист стрел. Десятки наконечников устремились к светящимся грудным «сердцевинам» Духов и к местам соединения лавы и обсидиана.

Но тщетно. Большинство стрел, не долетев до цели, просто сгорали в адской ауре жара, окружавшей чудовищ, рассыпаясь пеплом. Некоторые, более массивные, с широкими наконечниками, достигали цели, но плавились, едва вонзившись в раскаленную лаву или обсидиан, не причиняя видимого вреда. Духи даже не вздрагивали. Один лучник, отчаявшись, спустил тетиву почти у самого уха Духа. Стрела вонзилась в узкую щель на плече монстра. Раздался резкий, стеклянный треск. Дух повернул голову, его «взгляд» упал на лучника. Из глазницы ударил луч. Человек даже не вскрикнул – он исчез в ослепительной вспышке, оставив лишь темное пятно на камне и облачко пепла.

«Ядро! Фитильное! Давайте сюда!» – заревел командир. Несколько человек потащили по стене длинное, тяжелое кремневое ружье с инкрустированным костью прикладом. Стали спешно заряжать.

«Бесполезно!» – прошептал Хасан, сжимаясь от боли и ужаса. Его серебряные глаза были широко раскрыты, он смотрел не на Духов, а на саму стену под ними, на камни. «Камни кричат... Они в ужасе... Они не выдержат...»

Самира сжала перила. Отчаяние подкатывало к горлу. Она видела, как у ворот метнулась женская фигура – юная, стройная, с темными, заплетенными в косу волосами. На ней – простой стеганный жилет, юбка-шаровары, на поясе – изящный ятаган с нефритовой рукоятью. Она кричала что-то женщинам, помогая тащить огромный котел с водой к месту, где луч Духа прожег брешь в стене, и оттуда уже лилось пламя. «Камила!» – крикнул кто-то ей вслед. Дочь одного из старейшин. Активная, неутомимая.

Внезапно Хасан выпрямился. Его лицо исказила гримаса нечеловеческого усилия. Он оттолкнулся от Марата и бросился вперед, к самому краю стены, прямо над атакующими главные ворота Духами.

«Хасан, нет!» – закричал Марат.

Но юноша с серебряными глазами уже поднял руки. Он вцепился взглядом в землю перед воротами, в оплавленный, дымящийся камень. Из его груди вырвался не крик, а низкий, гор-танный стон, похожий на скрежет огромных плит. И земля ответила.

С грохотом, превосходящим гул вулкана, из раскаленного грунта перед самыми створками ворот вырвались, выросли вверх гигантские щиты. Не металлические, не деревянные. Каменные. Толщиной в рост человека, шершавые, покрытые древними трещинами. Они сомкнулись, образовав сплошную, непроходимую стену между воротами и Духами Просвета.

Удар следующего раскаленного кулака пришелся по камню. Щит треснул, осыпался осколками, но выстоял. Горячий пар шипел на его поверхности.

Самира, ошеломленная, уставилась на Хасана. Он стоял, дрожа всем телом, как в лихорадке, его руки были все еще подняты, пальцы сведены судорогой. Серебряные глаза потускнели, в них читалась невероятная усталость и боль.

«Ты... ты можешь управлять камнем?» – прошептала она, подбегая к нему.

Хасан повернул к ней бледное, покрытое испариной лицо. Он попытался улыбнуться, но получилась лишь жалкая гримаса. «Только... только если не боюсь...» – его голос сорвался. Он сжал кулаки, пытаясь подавить дрожь. «Но голоса... они стали... злыми. С тех пор как он проснулся...»

Его слова были заглушены новым, оглушительным ревом. Один из Духов, двигавшихся вдоль стены, заметил каменные щиты и их создателя. Он повернулся, его глазницы вспыхнули ослепительным белым светом. Сгусток чистой энергии, раскаленный добела, рванулся из его груди не лучом, а шаром, размером с колесо телеги. Он летел прямо на Хасана, на Самиру и стоявших рядом Марата и Рамазана. Воздух завизжал, оплаваясь на пути снаряда. Смерть была неизбежна.

Самира не думала. Инстинкт самосохранения, смешанный с внезапной яростью за этого дрожащего юношу, за этот горящий аул, за несправедливость всего, что она увидела, поднял ее руку. Руку с хронометром. Она вскинула ее, как щит, навстречу летящей гибели

Браслет на ее запястье взвыл. Шестеренки завертелись со свистом, синий песок внутри вспыхнул ослепительным, холодным сиянием. Из центра браслета, от сложенных в меч стрелок, вырвался снап не пламени, а сконцентрированного, пронзительного синего луча. Он был тонким, как игла, и невероятно ярким. Луч встретил летящий шар плазмы в воздухе.

Не взрыв. Не грохот. Тихий, шипящий звук, как от капли воды на раскаленную плиту. Светоплазменный шар Духа Просвета... рассыпался. Распался на миллионы искр, которые тут же погасли, как пойманные в ладонь светлячки. Синий луч не погас. Он пронзил воздух и вонзился точно в сияющую «сердцевину» в груди Духа, выпустившего роковой шар.

Мгновение – и Дух замер. Его тело, сплетение лавы и обсидиана, задрожало. Из точки попадания луча пошли трещины, заполненные все тем же пронзительным синим светом. Потом – ослепительная вспышка. Грохот, как от разбитого гигантского зеркала. Дух Просвета взорвался изнутри. Волна невыносимого жара и ослепляющего света прокатилась по стене, сбивая людей с ног. На месте чудовища осталась лишь груда оплавленного, дымящегося камня и черного стекла.

Тишина. Гулкая, оглушительная. Даже лава, казалось, на мгновение притихла. Все – воины на стенах, Камила у котла, Марат, Рамазан, дрожащий Хасан – устали на Самиру. На ее руку. На хронометр, который теперь тихо потрескивал, остывая, синий песок внутри успокаивался, возвращаясь к своему медленному, мерному течению. Стрелки-лезвия снова показывали время – но какое? Здесь? Или там, в Москве?

Марат первый нарушил тишину. Он поднял дрожащую руку, его темные глаза были полны слез – слез облегчения, ужаса и давней, мучительной надежды. Его голос, тихий, но слышимый над шипением лавы и дальним гулом вулкана, прорезал воздух:

«Пророчество... истинно. Дочь Забвения... пришла».

Глава 3: Тень Предательства и Шепот Леса

Синий свет хронометра погас, оставив после себя резкий запах озона и гулкую тишину, быстро заполняемую стоном раненых и треском пожираемых пламенем балок. Хасана, побледневшего как мел, с серебряными глазами, закатившимися под веки, подхватили крепкие руки воинов. Камила, ее лицо размазано сажей, но глаза горели решимостью, уже командовала:

«В башню Старца! Быстро! И воды!» Она бросила быстрый, полный негомого вопроса взгляд на Самиру, прежде чем кинуться вслед за несущими Хасана.

Марат схватил Самиру за локоть. Его пальцы дрожали, но хватка была железной. Рамазан, как всегда неотступно рядом, молча указал посохом в сторону главной башни.

«Ты должна знать,» – прошептал Марат, почти таща ее за собой по годекану, мимо резного камня-трона, где несколько старейшин в темных халатах собрались в тревожный клубок. – «Ты должна понять, во что ввязалась.»

Внутри башни царил полумрак и прохлада, резко контрастирующая с адом за стенами. Воздух пах сухой травой, старым деревом и лекарственными настоями. Хасана уложили на низкую деревянную кровать у стены. Камила, ловко орудуя ножницами, уже разрешила его запачканную кровью и пылью рубаху, обнажая страшный ожог на груди – след близкого жара Духа. Рядом суежилась пожилая женщина с кувшином воды и пучком сухих трав.

Самира прислонилась к прохладной каменной стене, пытаясь перевести дух. Хронометр на ее запястье был теплым, шестеренки тикали почти неслышно, песок тек медленно, синевато мерцая. Она смотрела на бледное лицо Хасана, на его сведенные судорогой пальцы. «Только если не боюсь...» – эхом звучали его слова. Страх был его врагом. А что было ее врагом? Незнание? Эта чужая земля, этот вулкан, ненавидящий людей, эти Духи из огня и звездной пыли...

«Он не умрет,» – голос Рамазана, низкий и хриплый, как скрип несмазанной двери, заставил ее вздрогнуть. Он стоял рядом, его непроницаемый взгляд был устремлен на Хасана. Он не смотрел на рану, а скорее... слушал что-то. Его рука с шершавыми пальцами медленно поглаживала рукоять кинжала с нефритом. «Лес шепчет ему. Держится.» Рамазан повернул голову к Самире. «Твое оружие... оно жжет синим холодом. Невиданное.»

«Я не знаю, что это было,» – честно призналась Самира. «Это... сработало само.»

«Сила Времени,» – вступил Марат. Он подошел к узкому окну, смотря в сторону дымящегося Карадага. Его профиль казался вырезанным из старого, потрескавшегося дуба. «Знак выбрал тебя. Как когда-то выбрал меня. И моих... соратников.» Горечь прозвучала в последнем слове. «Но твоя сила – ключ. Ключ к Артефакту Рассвета. Единственному, что может усмирить Гнев Карадага навсегда. Или... освободить его окончательно.» Он обернулся, его темные глаза впились в Самиру. «Выбор будет твой, Дочь Забвения. И цена будет высокой.»

«Где этот Артефакт?» – спросила Самира, чувствуя, как тяжесть ответственности снова наваливается на плечи.

«За Лесом Шепчущих Теней,» – ответил Марат. «В Храме Времени. Туда ведет древняя тропа, известная лишь Горным Братьям... и Джамиле.» Он произнес имя с явным усилием. «Она... она знала, куда тебя направить. Знала о Пророчестве. Но служит она не Аракулу, а самому Карадагу. Истинному Хозяину Гнева.»

«Но она спасла меня от Духа!» – возразила Самира, вспоминая сильные руки, выдернувшие ее из когтей смерти у пропасти.

«Спасла, чтобы использовать,» – мрачно проговорил Марат. «Она верит, что освобождение Карадага – единственный путь к справедливости. Что люди заслужили его мечь. Она фанатик. Опасный и умный.» Он постучал посохом по полу. «Рамазан, скажи Кемалю. Пусть проверит Путь. Лес... он изменился.»

Рамазан кивнул, беззвучно, как тень, скользнул к выходу. Его тяжелые башмаки стукнули по каменным ступеням.

«Кто такой Кемаль?» – спросила Самира.

«Хранитель Знаний,» – ответил Марат, отходя от окна. «Живет на краю аула, у подножия кладбищенского холма. Видит... больше других. Слышит ветер времен. Он знает дороги между мирами.» Он помолчал. «И следы тех, кто по ним ходит.»

Дверь башни распахнулась, впуская клубы дыма и запыхавшегося воина в прокопченной кольчуге.

«Марат! Лава замедлилась! После взрыва Духа... будто испугалась. Но Духи... они отступили, но не ушли. Стоят вдалеке, за оплавленными щитами Хасана. Ждут. И...» Воин сглотнул. «У восточной калитки... нашли знак. Огненный кинжал, выжженный на камне. И следы... женские.»

Джамиля. Она была здесь. В ауле. Или рядом. Самаира почувствовала холодок по спине. Предательница, спасительница, фанатичка... Кем она была на самом деле?

«Укрепить калитку! Поставить двойной пост!» – приказал Марат. Воин кивнул и выбежал. Старец взглянул на Хасана. Камила накладывала на ожог пасту из толченых трав, ее движения были точными и быстрыми. Юноша стонал, но уже не так бессознательно. Его серебряные глаза приоткрылись, туманные, полные боли.

«Он должен идти с тобой,» – неожиданно сказал Марат Самаире. «В Лес. Его дар... его связь с землей, с камнем... она понадобится тебе против ловушек Алмасты. И против... гологов. Лес Шепчущих Теней пожирает разум. Хасанов дар – якорь. Если он сможет побороть свой страх.»

«Он едва жив!» – возмутилась Самаира.

«У нас нет времени,» – сурово ответил Марат. «Лава замедлилась, но не остановилась. Духи ждут приказа. Джамиля рядом. Ты должна дойти до Храма, пока путь еще открыт. Завтра на рассвете.» Он подошел к деревянному сундуку у стены, открыл его. Внутри, на темной ткани, лежали предметы: компактный, но мощный рекурсивный лук из темного дерева и рога, колчан со стрелами, снабженными наконечниками из черного обсидиана; кинжал-ятаган с изящно изогнутым клинком и рукоятью из темно-зеленого нефрита, ножны украшены серебряной насечкой в виде спиралей. «Возьми. Аракул дает тебе оружие. Защищайся.»

Самаира взяла лук. Он был удивительно легким и удобным в руке. Кинжал излучал прохладу. Она кивнула. Страх сжимал горло, но отступать было некуда. Только вперед. В Лес Шепчущих Теней.

Глава 4: Древний Страж и Тропа Искушений

Рассвет над Аракулом был кроваво-багровым, окрашивая дым от пожаров и далекий конус Карадага в зловещие тона. Воздух все еще звенел от скрытого напряжения. У массивных восточных ворот, меньших, чем главные, и теперь усиленных дополнительными бревнами, собрался небольшой отряд.

Самаира, в подаренной Камилой прочной стеганой куртке поверх своей городской одежды, с луком за плечами и нефритовым кинжалом на поясе, поправляла ремень колчана. Рядом, опираясь на посох Марата, стоял Хасан. Он был бледен, под глазами лежали темные тени, но серебряные глаза горели лихорадочным блеском решимости. Повязка на груди скрывала ожог. Четверо воинов, отобранных Маратом – двое опытных бородачей в кольчугах и стеганых доспехах, с тяжелыми саблями у пояса (клинки с изящной геометрической насечкой, ножны из темной кожи с медными накладками), и двое помоложе, с луками и кожаными щитами, – мрачно переговаривались. Камила вручила Самаире кожаный мешок с лепешками, сушеным мясом и бурдюк воды.

«Вернись,» – просто сказала она, и в ее глазах Самаира прочла не только пожелание удачи, но и немой вопрос: «Что ты принесешь нам? Спасение или гибель?»

Марат подошел вплотную. Его лицо казалось еще более изможденным.

«Путь лежит через ущелье Плача, мимо Камня Предков. Там... там будет развилка. Левая тропа – прямая, но опасная, она мимо Гнезда Ункаев. Правая – длиннее, ведет через старые сады. Выбирайте мудро. И помните: Лес слышит мысли. Чувствует страх. Алмасты искушает

видениями. Доверяйте только камню под ногами и...» – он взглянул на Хасана, – «...голосу сердца. Не смотрите теням в глаза.»

Рамазан стоял чуть поодаль, его фигура в огромной папахе и грубой бурке казалась недвижимой скалой. Он молча протянул Самире небольшой, теплый на ощупь камешек с дырочкой посередине, оправленный в простую медную проволоку.

«От Кемалая,» – хрипло произнес он. «Слеза горы. Для ясности. Когда голоса станут слишком громкими.»

Самира взяла амулет, почувствовав под пальцами странную вибрацию камня. Она кивнула Рамазану. Старик медленно отвел взгляд, устремив его куда-то за спины воинов, в сторону кладбищенского холма. Его лицо оставалось непроницаемым.

«Открывай!» – скомандовал Марат. Засовы с грохотом отодвинулись, тяжелые створки ворот со скрипом приоткрылись ровно настолько, чтобы пропустить людей. Отряд выскользнул наружу, в серый предрассветный сумрак. Ворота захлопнулись за ними с окончательным стуком.

Тропа вела вниз, к шумящей внизу реке Азау, огибая аул. Воздух был свеж и чист, пах полынью и влажным камнем, заглушая запах гари. Высоко в небе, окрашенном первыми лучами солнца, парил горный орел. Стадо кавказских туров, крепких, с мощными рогами, заметив людей, резко рвануло вверх по почти отвесной скале, с грохотом посыпав мелкие камни.

«Держим строй,» – приглушенно сказал старший из воинов, Аслан, его рука лежала на эфесе сабли. «Хасан, ты в середине. Девушка, за мной.»

Они шли молча, прислушиваясь к каждому шороху. Тропа петляла среди огромных валунов, поросших лишайником. Река Азау ревела где-то справа в глубоком ущелье. Самира чувствовала взгляд Хасана. Она обернулась. Он шел, чуть согнувшись, его серебряные глаза были прищурены, губы шевелились беззвучно.

«Ты слышишь их?» – тихо спросила она.

Он кивнул, не глядя на нее. «Камни... Они говорят о прошлом. О боли. О гневе. Но здесь... здесь тише. Чем в ауле. И чище.» Он коснулся пальцами большого валуна у тропы. Камень отозвался едва слышным гулким эхом, как камертон. «Они помнят... зеленые долины. До людей. До Карадага.»

Тропа вывела их к месту, где ущелье сужалось. Над ними нависали мрачные скалы, а в узком проходе стоял гигантский, почерневший от времени камень, испещренный выбитыми рунами и стилизованными изображениями горных козлов и орлов. Камень Предков. У его подножия лежали несколько засохших веток полыни – знак памяти.

«Развилка,» – указал Аслан. Две тропы расходились у камня. Левая уходила в мрачное, заросшее колючим кустарником ущелье, из глубины которого доносилось зловещее поскрипывание и шелест. Правая вилась вверх, по более пологому склону, мимо террас, где еще виднелись одичавшие яблони и груши, их ветви скрючены, но кое-где белели уцелевшие цветы.

«Ункай,» – мрачно проговорил один из молодых воинов, Омар, сжимая лук. «Левую не пройти. Они роют норы в скалах. Слышат шаг за версту.»

«Правая длиннее,» – возразил Аслан. «И старые сады... там могут быть завалы. Или... хуже.»

Решение висело в воздухе. Самира смотрела на развилку, ее пальцы сжали амулет Кемалая. Камешек был теплым. Она поднесла его к уху. Не звук, а скорее... ощущение. Тихий, ровный гул, как далекий водопад. Успокаивающий. И направление... гул был чуть громче справа.

«Правая,» – сказала она твердо. «Через сады.»

Аслан хмыкнул, но кивнул. «Твоя воля, Дочь Забвения. Пошли.»

Тропа среди одичавших садов была густо заросшей, но проходимой. Воздух был сладковатым от цветущих яблонь. Солнце уже поднялось выше, разгоняя тени. Казалось, опасность миновала. Но напряжение не спадало. Хасан вдруг остановился, его лицо исказилось.

«Стоп! Не двигайтесь!» – прошипел он.

Они замерли. Хасан уставился на участок тропы перед ними, залитый солнечным светом. Казалось, ничего.

«Что?» – спросил Аслан, медленно вынимая саблю.

«Трава...» – прошептал Хасан. «Она... поет не так. Камни под ней... пустые.» Он осторожно ткнул посохом в густую зеленую поросль у края тропы. Посох провалился беззвучно, как в бездну. Под тонким слоем дерна зияла глубокая яма, утыканная острыми кольями.

«Ловушка,» – выдохнул Омар, бледнея. «Старая... или новая?»

«Новая,» – хрипло сказал Аслан, осматривая края ямы. «Копали недавно. Значит, знали, что мы пойдем здесь.» Его взгляд стал жестким. «Джамиля. Или ее приспешники.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.